

DOI: 10.47026/2712-9454-2023-4-4-126-151

УДК 930.25
ББК 63.3(2)522

В.Г. ТКАЧЕНКО

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ОТБОРА И УНИЧТОЖЕНИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: архив, архивное законодательство, губернские статистические комитеты, губернские ученые архивные комиссии, комиссии для разбора решенных дел, правила о хранении и уничтожении решенных дел, разбор архивов, уничтожение архивных документов.

Целью исследования является анализ законодательного регулирования процессов отбора и уничтожения архивных документов, которое со второй половины XIX в. оказывало влияние на формирование в местных органах государственного управления комплексов архивных документов и определяло их информационный потенциал.

Методы и материалы. В качестве источниковой базы исследования привлечены опубликованные законодательные акты Российской империи и ведомственные правовые акты министерств по вопросам архивного дела.

Исследование построено на базовых принципах исторического познания: историзме, системности, объективности. Учитывая однородность привлеченных текстовых массивов источников, в качестве основного метода использован контент-анализ законодательных и нормативных правовых актов, который позволил проследить основные тенденции, выявить некоторые закономерности и дать оценку процессам, лежавшим в основе управленческих решений в области отбора на архивное хранение и уничтожения утративших практическую значимость документов.

Новизна исследования заключается в том, что подобного анализа пока еще не проводилось. Как правило, большинство авторов ограничивалось упоминанием ряда законодательных норм и констатацией факта о значительном количестве уничтоженных в рассматриваемый период архивных документов. Научно-практическая значимость предлагаемой публикации соответствует запросам современного осмысления исторического опыта отечественного архивного дела.

Результаты исследования. В российском законодательстве об архивах на протяжении XVIII – первой трети XIX в. отсутствовали предписания, касавшиеся процедур отбора на хранение и уничтожения дел. К середине XIX в. государственные учреждения Российской империи столкнулись с весьма серьезной проблемой нехватки помещений под архивы и необходимостью решения вопросов о судьбе скопившихся у них архивных документов. Еще более обострили ситуацию реформы 1860-х – 1870-х гг., в результате которых возникла необходимость решать дальнейшую судьбу и документов ликвидируемых учреждений. С начала 1860-х гг. законодательная инициатива по разбору архивов и уничтожению дел была в основном направлена на принятие мер организационно-методического характера. Только в течение 1861–1869 гг. увидели свет 11 законодательных актов, регулировавших организацию хранения и уничтожения решенных дел в основных ведомствах Российской империи. Именно в данный период стали активно использоваться особые «рописания» – перечни документов с указанием сроков их хранения. Всего после 1845 г. в России на законодательном уровне было утверждено 12 таких перечней дел для 9 ведомств. Однако при этом верховная власть в своей законодательской деятельности опиралась на практику принятия законодательных актов по каждому ведомству отдельно, что приводило к несогласованности в понимании ценности одних и тех же категорий документов и, как следствие, уничтожению действительно ценных архивных материалов и избыточному хранению явной макулатуры. Следует отметить, что составители законодательных и ведомственных нормативно-правовых актов, предпринимая попытки сформировать определенные юридические механизмы защиты архивов от необоснованного уничтожения, действовали в пределах своей компетенции и на уровне бытовавшего в то время в чиновничьей среде понимания ценности документов. Руководствоваться в этом вопросе

они могли лишь накопленным опытом и собственными представлениями о целесообразности сохранения документов. Безоговорочно упрекать чиновников ведомств в безразличном отношении к судьбе архивных документов было бы несправедливо. В законодательстве рассматриваемого периода имеется немало предписаний относительно осторожного подхода к разбору дел. В качестве одной из мер предотвращения уничтожения дел, представлявших научный интерес, было санкционировано привлечение губернских статистических комитетов для участия в разборе архивов.

Выводы. *В целом российское законодательство по разбору архивов рассматриваемого периода характеризуется неравнозначностью содержания и несогласованностью принимавшихся актов. Так, в ведомственных правилах не было единства в определении последовательности разрядов для группировки дел; имели место разные подходы в установлении сроков хранения дел, утративших практическую ценность, а в ряде случаев они и вовсе не регламентировались. Расплывчатость некоторых формулировок оставляла чиновникам различных уровней управления поле для «инициативы». Высокая роль личностного фактора при принятии решений о распределении документов по разрядам и установлении сроков хранения дел, закреплённая на законодательном уровне, а также отсутствие указаний о том, как и кем должны контролироваться эти действия чиновников и должны ли они вообще отслеживаться вышестоящими инстанциями, ещё более усугубляли ситуацию.*

В итоге ведомственный подход в издании актов по вопросам разбора архивов и выделения дел на уничтожение, сильная зависимость от принятия решений отдельными должностными лицами, наделёнными законодательством соответствующими полномочиями, и, как следствие, непрозрачное и никем не контролируемое вынесение заключений о ценности документов не могли не вызывать беспокойство научного сообщества, представители которого не раз поднимали вопрос о разработке единых для всех ведомств правил. Вместе с тем, выступая с осуждением чиновничьего произвола в ходе отбора и уничтожения дел, они не были готовы предложить конструктивные идеи, позволявшие опереться на научные подходы при проведении этой работы, поскольку теоретическая база архивоведения в данный период ещё только начинала формироваться.

Среди ключевых вопросов архивного законодательства Российской империи наиболее болезненную реакцию со стороны научной общественности вызывало регулирование процессов отбора и уничтожения архивных дел, скопившихся к середине XIX в. в огромных количествах в многочисленных архивах центральных и местных государственных учреждений. Ещё более обострили ситуацию реформы 1860-х – 1870-х гг., в результате которых встал вопрос о дальнейшей судьбе документов ликвидируемых учреждений.

И дореволюционная, и советская историография богата на весьма резкую критику правительственных мер, предпринимавшихся для разрешения возникших проблем. Однако, как представляется, эта критика не всегда и не во всем справедлива. Именно во второй половине XIX в. была массово апробирована методика отбора дел по так называемым «рописаниям», которая в современном архивоведении называется экспертизой ценности документов по перечням [1. С. 227–263]. Отметим, что советские архивисты не только не отказались от этой идеи, но и с 1919 г. продолжили работу в данном направлении. Мысль о создании типового перечня для документов всех ведомств возникла в 1929 г., а в 1943 г. появился «Перечень типовых документальных материалов, образующихся в деятельности народных комиссариатов и других учреждений, организаций и предприятий Союза ССР с указанием срока хранения материалов» [1. С. 233]. Обязательность применения перечней в процессе проведения экспертизы ценности документов законодательно закреплена 22 октября 2004 г. в Федеральном законе № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» [1. С. 234]. Кроме того, предложенное ещё в XIX в. деление

документов на три категории – постоянного, временного и долговременного хранения – является одним из краеугольных камней советской и современной практики комплектования государственных и муниципальных архивов.

То есть формально критикуя действия дореволюционных властей, советское архивоведение разрабатывало теорию экспертизы ценности документов, опираясь в том числе на предшествующий опыт.

Целью исследования является анализ законодательного регулирования процессов отбора и уничтожения утративших практическое значение документов, которое в течение второй половины XIX – начала XX в. оказывало влияние на формирование в местных органах государственного управления архивных комплексов и определяло их информационный потенциал.

Методы и материалы. В качестве источниковой базы исследования привлечены опубликованные законодательные акты Российской империи и ведомственные правовые акты основных министерств по вопросам архивного дела.

Исследование построено на базовых принципах исторического познания: историзме, системности, объективности. Учитывая однородность привлеченных текстовых массивов источников, в качестве основного метода использован контент-анализ законодательных и нормативных правовых актов, который позволил проследить основные тенденции, выявить закономерности и дать оценку процессам, лежавшим в основе управленческих решений в области отбора на архивное хранение и уничтожения утративших практическую значимость документов.

Новизна исследования заключается в том, что подобного анализа пока еще не проводилось. Как правило, большинство авторов ограничивалось упоминанием ряда законодательных норм и констатацией факта о значительном количестве уничтоженных в рассматриваемый период архивных документов. Научно-практическая значимость предлагаемой публикации соответствует запросам современного осмысления исторического опыта отечественного архивного дела.

Результаты исследования. В российском законодательстве об архивах на протяжении XVIII – первой трети XIX вв. отсутствовали предписания, касающиеся процедур отбора на хранение и уничтожения дел [31. С. 13].

Со второй половины 1840-х гг. местные органы государственного управления должны были руководствоваться правилами, изложенными в «Учреждении губернских правлений» от 2 января 1845 г. В разделе «Часть архивная» в ст. 299 законодательного акта перечислялись категории документов, подлежащие уничтожению: «Все производства ревизионного стола; запросы и справки; по объявлениям распоряжений других мест; все наряды ведомостей (за исключением журналов по установлению цен и такс); дела о бессрочно-отпускных, о передвижении и расквартировании войск; о высылке лиц; об арестах; по рекрутским наборам; формуляры чиновников, за исключением о служивших собственно по Правлению». Уничтожение аналогичных дел, не указанных в данном перечне, требовало «особенного каждый раз разрешения Министра Внутренних Дел» [9. С. 60].

Практическая реализация отбора и уничтожения дел в соответствии со ст. 300 должна была осуществляться «посредством отряженной для сего комиссии», которой предписывалось ежегодно представлять на рассмотрение губернского правления «описи хранящихся в архиве дел за один год, который отстоит от настоящего на десять лет». Правлению надлежало выносить соответствующее постановление с последующим его утверждением губернатором. В настольных реестрах напротив уничтожаемых дел делались необходимые

отметки. Исключение составляли дела «посторонних мест», хранившиеся в архиве губернского правления. Отобранные дела могли либо уничтожаться, либо продаваться на бумажные фабрики. В спорных ситуациях губернатор должен был испрашивать разрешения министра внутренних дел [9. С. 60].

Согласно закону, создание особых комиссий «для единовременного разбора и уничтожения старых дел архива» предусматривалось уже начиная с 1845 г. В состав комиссии включались: ассессор или советник губернского правления, один из губернских стряпчих, а также чиновник, выбор которого оставлялся на усмотрение губернатора [9. С. 60].

Особо оговаривалось строгое соблюдение «вновь заводимого архивного порядка». При этом дела прежних лет должны были приводиться «последовательно в возможное устройство, по тому порядку, как значатся в старых описях» [9. С. 60].

Столь лаконичные нормы законодательства предопределили в дальнейшем возникновение запросов по их разъяснению, а также коллизий юридического и практического характера. Выделим некоторые проблемные аспекты правового и организационного обеспечения данного направления архивной деятельности на местном уровне.

Первое, что обращает на себя внимание, – это состав комиссий, названный И.Л. Маяковским «сомнительным» [5. С. 269]. Действительно, обозначенный в «Учреждении ...» 1845 г. круг лиц характеризует формально-бюрократический подход законодателя, учитывавший не столько опыт или необходимые для проведения такой работы специальные познания чиновника, сколько благорасположение к нему начальника губернии и занимаемую должность. По сути, речь шла о представителях местной власти, которым мог быть доверен доступ к документам, в том числе не предназначенным для «посторонних глаз». К тому же прописанный в законе порядок первоначально касался формирования комиссий губернского уровня и не предлагал аналогичного механизма для уездов и городов.

Лишь 5 января 1848 г. положением Комитета Министров «О учреждении особых Комиссий для разбора решенных дел, накопившихся в архивах уездных присутственных мест», объявленном министром внутренних дел, этот вопрос был решен. При этом нельзя не заметить явного сомнения верховной власти в возможности этих комиссий справиться с поставленными задачами. Так, перед уничтожением дел, признанных ненужными местной властью, требовалось испрашивать «на сие каждый раз Высочайшее разрешение чрез Комитет Министров» [25. С. 116]. Уже в мае 1848 г. эта норма была распространена «на места, подведомственные Министерству государственных имуществ в губерниях» [25. С. 116], а в июне 1850 г. – на учреждения министерства юстиции [25. С. 116–117]. Причем в последнем случае высочайшее разрешение полагалось испрашивать через Государственный Совет по каждому архиву отдельно. То есть элемент «подстраховки» в этих мерах явно присутствовал.

О том, что компетентность членов комиссий вызывала определенные опасения, Министерство внутренних дел признавало и через 20 лет после начала их функционирования [29. С. 95]. Такая же картина наблюдалась и в учреждениях других ведомств, что косвенно подтверждается письменными обращениями министерств финансов и юстиции в МВД с просьбами привлечь для разбора дел силы губернских статистических комитетов [27. С. 338–341; 28. С. 11–12, 227–228].

Именно «сомнительный» состав комиссий обусловил еще одну проблемную составляющую организационно-правового регулирования данного направления

архивной деятельности – громоздкость бюрократической процедуры согласования местными учреждениями перечней выделенных ими к уничтожению дел.

Принимая решения, подобные приведенному выше, их инициаторы скорее всего не вполне представляли себе тот объем работ, с которым придется столкнуться. Большое количество согласующих инстанций явно затягивало процесс «утилизации» архивов. Именно поэтому высочайше утвержденным 7 сентября 1854 г. положением Комитета Министров «О порядке разбора и уничтожения архивных дел уездных и городских присутственных мест ведомства Министерства внутренних дел» вопросы «назначения комиссий» для разбора архивных дел уездных и городских присутственных мест, подчинявшихся министерству, были предоставлены «непосредственному усмотрению губернского начальства», а разрешение уничтожать дела – «окончательно Министерству внутренних дел» [25. С. 128].

Сама же процедура от этого стала ненамного проще. Составленные в уездных и городских учреждениях описи подлежащих уничтожению дел направлялись в губернские правления, затем представлялись начальниками губерний в Департамент полиции исполнительной, который, рассмотрев их, готовил соответствующее заключение и вносил документы в совет министра¹. Последний, разрешив уничтожение дел, передавал описи обратно в департамент, а тот возвращал их начальникам губерний для исполнения [25. С. 170]. Далее предстояло уведомить о принятом решении подведомственные учреждения в городах и уездах, а тем – произвести уничтожение дел. Но так выглядел «идеальный» вариант развития событий. Если на одном из перечисленных этапов согласования возникали вопросы, то затевалась переписка. Причем, чем выше был уровень рассмотрения представленных документов, тем более объемной и затяжной она была.

По мере накопления опыта неэффективность и бесполезность сложившейся бюрократической процедуры стали очевидными. Весной 1867 г. это признавало МВД в своем представлении в Государственный Совет: «<...> Для суждения о сущности дел и решения вопроса о подлежаемости или неподлежаемости их уничтожению, как Департамент, так и Совет Министра имеют только одни краткие оглавления дел, отметки в описях об окончании их и о необходимости для дальнейшего хранения в архивах. Очевидно, что эти краткие сведения не дают полного понятия о значении подлежащих разрешению Министерства вопросов. Между тем, перечитывание массы описей, наполненных оглавлениями тысячи дел, и вообще вся переписка с начальниками губерний по этому предмету составляет труд громадный, не приносящий почти никакой пользы. Министерство редко имеет возможность сделать какие-либо замечания, да и то касающиеся более формы составления описей или отступлений от установленных по этому предмету правил» [25. С. 170].

Не желая разделять ответственность «за правильность действий губернского и даже уездного начальств по этому предмету», МВД предложило «предоставить распоряжение об уничтожении архивных дел губернскому начальству, которое обязано в таком случае строго руководствоваться существующими

¹ В Совет министра входили руководители департаментов министерства, специально назначенные императором чиновники, а также главы всех действовавших в России религиозных конфессий, кроме православной (МВД России: энциклопедия / гл. ред. В.Ф. Некрасов. М.: Объед. ред. МВД России: ОЛМА-Пресс, 2002 (ПФ Красный пролетарий). С. 12).

на этот предмет в законе правилами и изданными в пояснение их инструкциями, и только в редких случаях, неразрешаемых ими, представлять на разрешение Министерства Внутренних Дел». Важно отметить, что в качестве аргументации указывалась и необходимость сокращения переписки [25. С. 170].

Соответствующая поправка в законодательство была поддержана Общим собранием Государственного Совета, а мнение Государственного Совета по этому вопросу утверждено императором [25. С. 169–170]. Данное решение было продиктовано еще и тем, что заложенные в законодательстве процедуры разбора и уничтожения дел вступали в определенное противоречие с целями правительства по ускорению процесса «разгрузки архивов» в связи с реформами 1860-х – 1870-х гг. Нельзя не заметить, что оно существенно снижало и уровень контроля, и уровень ответственности в принятии решений о судьбе архивных документов.

В развитие положений указанного законодательного акта Хозяйственный департамент МВД разослал в губернии циркуляр за № 10241 от 1 ноября 1867 г., в соответствии с которым в работе по отбору дел на уничтожение была задействована еще одна структура в лице губернских статистических комитетов [29. С. 95], фактически действовавших на общественных началах.

Третьим проблемным вопросом законодательства был «рискованный», по выражению И.Л. Маяковского, перечень подлежащих уничтожению дел, который не гарантировал от гибели материалов, имевших большую и научную, и практическую значимость [5. С. 269]. Формально решению задач по определению их ценности должен был служить перечень, установленный ст. 299 «Учреждения для Губернских правлений». Однако он, во-первых, в принципе не мог учесть все разнообразие циркулировавшей в органах власти документации и поэтому уничтожение непоименованных в нем дел допускалось только «с особенного каждый раз разрешения Министра Внутренних Дел», а во-вторых, касался лишь учреждений этого ведомства.

Наконец, довольно остро стоял вопрос финансирования работ по разбору архивов и выделении дел на уничтожение. В законодательстве отсутствовали четкие указания об источниках, из которых должны были производиться расходы на эти цели. Данное обстоятельство порождало многочисленные обращения различных ведомств в министерство финансов с просьбами о предоставлении в распоряжение подведомственных учреждений сумм, вырученных от продажи выделенных к уничтожению дел, для покрытия расходов по проведению работ. Причем ходатайства эти постоянно отклонялись министерством [25. С. 332]. Сущность проблемы заключалась в том, «следует ли вообще предоставлять учреждениям особые средства на разбор архивных дел, или расходы эти должны быть покрываемы штатными суммами учреждений, и если ассигнование особых сумм может быть допущено, то из какого источника и в каком порядке и размере» [25. С. 332].

Со временем по причине пробела в законодательстве многие учреждения из-за недостатка средств вовсе перестали производить разбор и уничтожение дел, что приводило не только к еще большему переполнению архивохранилищ, но и, как следствие этого, – к росту новых расходов на наем дополнительных помещений под архивы. А они ложились ощутимым бременем на казну [25. С. 333].

В попытке разорвать этот замкнутый круг министр финансов М.Х. Рейтерн в письме на имя главноуправляющего Вторым отделением Собственной е.и.в.

канцелярии¹ С.Н. Урусова от 28 ноября 1874 г. № 5873 предложил «испросить, однажды навсегда, разрешение Государственного Совета, чтобы, по продаже архивных дел и по сдаче вырученных сумм в казну, Министерству Финансов предоставлено было право открывать в распоряжение подлежащих Министерств и Главнуправляющих отдельными частями, по их требованиям, особые на счет поступивших в казну сумм кредиты, собственною властью, без испрошения особого каждый раз разрешения Государственного Совета на расходы как по разборке архивных дел, так и на вознаграждение лиц, на коих возлагаются эти занятия, сверх прямых служебных обязанностей» [25. С. 334].

В целом такой подход не вызвал возражений. Тем не менее, предложение министра открывать кредиты в размере 50% от выручаемой после продажи выделенных к уничтожению дел суммы, основанное, надо полагать, на стремлении к стабильности и контролируемости уровня доходов и расходов, не нашло поддержки у чиновников Второго отделения А.А. Тидебеля, Н.Д. Мягкова и Д.В. Поленова. Они настаивали на том, что «размер этот, как и вообще всякий размер, определенный наперед и без соображения с обстоятельствами данного случая, может быть или слишком большим или слишком малым», и поэтому выделение кредитов учреждениям на указанные нужды должно осуществляться «в размере действительной надобности, не обуславливая их процентным отношением к сумме, вырученной от продажи дел, назначенных к уничтожению» [25. С. 334, 335].

Это мнение было официально доведено до министра финансов в письме главнуправляющего Вторым отделением от 22 августа 1875 г. № 50, в котором, в частности, указывалось: «Если архивы учреждений более новейшего времени, в том числе и некоторых Министерств, составлялись от самого их начала в порядке и в этом виде продолжали содержаться, то разбор их, т.е. простое отобрание ненужных дел для их уничтожения, не потребует ни особенных трудов, ни больших расходов, которые во всяком случае могут быть произведены без отягощения из штатных канцелярских сумм. Совсем другое представляют те архивы, которые, ввиду уничтожения хранящихся в них ненужных дел, должны еще быть приведены в порядок. Таких архивов мы можем считать во множестве, и между ними найдутся такие, разбор которых, по самому содержанию заключающихся в них бумаг, потребует и много времени и большого труда, а следовательно, и значительных издержек, которые определить заранее будет весьма затруднительно» [25. С. 338].

То есть по факту признавалась затратность предстоящих работ, но при этом желание министерства финансов уйти от непредсказуемости и неопределенности в данном вопросе понимания и поддержки не нашло. Такая позиция явно не способствовала оперативному решению вопросов финансирования деятельности по разбору архивов, которого, судя по всему, добивалось финансовое ведомство.

В результате в тех случаях, когда возникала необходимость проведения больших объемов работ в течение длительного времени, все, как и прежде,

¹ Созданное 4 апреля 1826 г. взамен Комиссии составления законов и состоявшее при Государственном Совете Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии занималось составлением Свода законов Российской империи. Его редакторы, осуществлявшие кодификационные работы, а также другие специалисты, назначавшиеся главнуправляющим, составляли отзывы на поступающие законопроекты. Этим, очевидно, и обусловлено обращение министра финансов в данный орган.

зависело от состояния государственного бюджета, сбалансированности которого настойчиво добивался М.Х. Рейтерн на посту министра финансов России.

Перечисленные проблемы обусловили необходимость поиска дополнительных правовых норм и организационных решений по вопросам выделения дел на уничтожение.

Первая попытка внести большую определенность в вопрос о составе комиссий была предпринята по линии Министерства юстиции, правда, в качестве эксперимента и только в четырех губерниях – Архангельской, Черниговской, Новгородской и Виленской. Так, в соответствии с высочайше утвержденным положением Комитета Министров от 14 ноября 1850 г. «О приведении в порядок архивов судебных мест и канцелярий прокуроров и стряпчих» [25. С. 117–119] в состав губернских комиссий включались: старший из председателей судебной палаты, руководивший деятельностью комиссии, губернский прокурор, директор училищ, товарищ председателя «той судебной палаты, которой председатель не будет состоять в комиссии», один из дворянских заседателей словесного суда по назначению начальника губернии [25. С. 118].

Уездные комиссии были представлены уездным судьей, назначавшимся председателем комиссии, штатным смотрителем училищ, членом магистрата или ратуши по назначению начальника губернии и уездным стряпчим. «Для приведения в устройство архивов судебных мест, находящихся вне уездных городов», создавались особые комиссии «из председателей тех мест и членов оных по назначению начальника губернии». Для участия в освидетельствовании «пришедших в совершенную ветхость» дел в таких архивах предусматривалось командирование уездного стряпчего, в обязанности которого входил просмотр составленных описей дел, удостоверение их своей подписью и доведение «для прочтения смотрителю уездных училищ» [25. С. 118–119].

Особого внимания заслуживает участие в «действиях комиссий» директоров и смотрителей училищ, но с весьма характерной оговоркой – ограничить их полномочия «обозрением древних документов, для представления по начальству о тех из них, которые, по содержанию своему, могут быть признаны важными и любопытными в историческом отношении» [25. С. 119]. То есть служебная тайна «свято» блюлась.

Как выяснилось позднее, реализация идеи привлечения представителей образовательных учреждений к разбору архивов не обошлась без казуса. Оказалось, что в уездных городах Дисне, Вилейке, Ошмянах и Троках Виленской губернии эта законодательная норма не может быть реализована, «так как в городах сих нет уездных училищ, а следовательно, нет и штатных смотрителей»! Попавшему в неловкую ситуацию министру юстиции В.Н. Панину пришли «на помощь» его коллеги – министр народного просвещения П.А. Ширинский-Шихматов и министр внутренних дел генерал-губернатор Д.Г. Бибиков, предложившие «обязанности, предстоявшие по сим четырем уездным комиссиям штатным смотрителям, возложить на директора училищ, с тем, чтобы комиссии препровождали к нему в Вильно на рассмотрение дела, заключающие в себе замечательные акты, а производства большие и многочисленные оставляли до личного прибытия в те уездные города директора во время ежегодного обозрения им училищ вверенной ему дирекции» [25. С. 120].

В сложившейся ситуации удивляет не только отсутствие согласованности в деятельности министерств при подготовке законодательного акта, но и то, что этот факт не воспринимался как нечто из ряда вон выходящее. Говорить

же об «эффективности» организованной таким способом работы по отбору ценных архивных документов и вовсе не приходится. Очевидно, уездные власти «имели» возможность профинансировать транспортировку дел, виленский директор училищ «располагал» свободным временем для их просмотра во время «обозрения им училищ», а сам разбор архивов мог длиться сколь угодно долго.

Еще одна правовая коллизия имела место по линии МВД. Так, 6 августа 1851 г. в отношении состава уездных комиссий «для разбора архивных дел» министерством был издан циркуляр, согласно которому в них включались: член «того присутственного места, дела коего будут разбираемы», местный уездный стряпчий и чиновник по назначению начальника губернии» [26. С. 4]. Однако, как отмечал И.Л. Маяковский, упразднение института стряпчих согласно судебной реформе 1864 г. не повлекло за собой корректировки состава указанных комиссий. В результате они продолжали функционировать в урезанном виде, открывая «широкий простор усмотрению губернатора» [5. С. 268]. Лишь в 1892 г., после неоднократного обращения начальников губерний в МВД за разъяснением по разрешению возникшей проблемы, в Первом департаменте Правительствующего Сената было возбуждено дело «по вопросу о том: из каких именно лиц должна состоять Комиссия для разбора архивных дел, подлежащих уничтожению» [25. С. 319–327]. Но понадобилось еще 3 года для того, чтобы принять окончательное решение. Согласно определению общего собрания Первого департамента от 27 мая 1894 г. и 24 марта 1895 г. в состав таких комиссий включались: советник губернского правления; чиновник, назначаемый по усмотрению губернатора; один из членов археографического общества (если таковое было учреждено в губернии), приглашаемый по распоряжению начальника губернии, и два представителя от ведомств судебного и народного просвещения, назначаемых по взаимному соглашению губернатора с попечителем учебного округа и председателем местного окружного суда [25. С. 325].

Признавая возможность «не вполне удовлетворительного» состава комиссий, Хозяйственный департамент МВД издал 1 ноября 1867 г. циркуляр за № 10241 «О порядке уничтожения ненужных архивных дел городских общественных учреждений», в котором в качестве меры предотвращения уничтожения дел, представлявших интерес «по части истории, статистики и проч.», предлагалось привлечь губернские статистические комитеты [29. С. 95]. Очевидно, их члены в глазах министерского начальства заслуживали большего доверия.

Подобная практика уже была санкционирована в 1866 г. по просьбе министерства финансов в отношении архивов Приказов общественного призрения [28. С. 11–12]. С января 1867 г. согласно договоренности между министерством юстиции и МВД она получила развитие при отборе дел упраздняемых судебных учреждений [28. С. 11–12]. В подведомственных МВД структурах эта деятельность стала носить постоянный характер.

На что же была рассчитана эта мера? Прежде всего следует иметь в виду, что ни уездных статистических учреждений, ни специального персонала для проведения статистических работ на местах не было. Как утверждал профессор Казанского университета В.В. Ивановский, «полицейские и другие чиновники, на которых возлагается обязанность доставления в губернские статистические комитеты статистических сведений, смотрят на это дело как на совершенно им постороннее, не входящее в круг прямых их обязанностей, а потому по их мнению и не требующее особенного внимания; сюда часто присоединяется отсутствие всякого понимания и умения собирать и располагать статистические данные;

недостаток времени заставляет относиться к делу исключительно формально – представлять сведения, мало думая о их достоинстве» [3. С. 132–133]. «Слабый состав» «рабочих сил» ГСК в 1850-е – 1870-е гг. признавал и С.А. Андрианов – автор труда, подготовленного к 100-летию Министерства внутренних дел [6. С. 163]. В связи с этими оценками можно упомянуть и данную А.И. Герценом нелицеприятную характеристику отношения вятских чиновников к деятельности статистических комитетов. Хотя в приведенных свидетельствах речь идет о статистической работе, это принципиально ничего не меняет в отношении участия членов комитетов в разборе архивов.

Вместе с тем, едва ли уместно оценивать деятельность ГСК, опираясь только на указанные мнения. Ситуация в каждом конкретном случае и в определенные периоды времени могла существенно отличаться.

Итак, согласно «Положению о губернских и областных статистических комитетах» от 26 декабря 1860 г., состав ГСК включал три категории членов: непреременные, действительные и почетные. В число первых входили: «губернский или областной предводитель дворянства, вице-губернатор, начальствующие отдельными частями управления в губернии или области, по ведомствам: финансов, государственных имуществ, удельному и медицинскому гражданского ведомства, директор губернских или областных училищ, а в городах, где есть университеты, и профессор статистики в университете; член от духовной консистории православного исповедания по избранию епархиального архиерея, в тех же губерниях и областях, где находится значительное число жителей иноверческих, христианских и нехристианских исповеданий и члены от духовенства тех исповеданий, назначаемые по сношению начальников губерний и областей с главными или окружными духовными начальствами каждого исповедания, член от ведомства путей сообщения, а в губерниях, входящих в состав горных округов, и член от горного ведомства, по назначению начальников соответственных округов, и городской голова губернского или областного города». При этом законодатель по какой-то причине не счел необходимым ввести в комиссию представителей судебного и почтово-телеграфного ведомств [12. С. 506–507].

Это не мешало их участию в деятельности ГСК в качестве действительных членов. Последними могли стать избравшиеся путем голосования лица, которые «своими познаниями и опытностью» способны были принести пользу комитету и изъявляли «готовность участвовать в занятиях его своими статистическими трудами» [12. С. 507].

В основе решения о принятии в почетное членство лежали: принадлежность к «губернии или области по своему рождению или воспитанию», владение в ней недвижимым имуществом, авторство приобретших известность статистических трудов или содействие делу статистики особенно значительными денежными пожертвованиями. Все названные категории пользовались одинаковыми правами. При этом последняя из них не несла никаких обязанностей [12. С. 507–508].

Для сравнения приведем персональный состав Казанского и Симбирского комитетов. На момент издания циркуляра МВД от 1 ноября 1867 г. в число членов первого входило 43 человека: начальник губернии, помощник председателя (вакансия); непреременные члены: вице-губернатор; губернский предводитель дворянства; председатель Казенной палаты; управляющий Палатой государственных имуществ; губернский почтмейстер; директор училищ Казанской

губернии; управляющий Удельной конторой; профессор статистики Казанского университета; от Духовной консистории православного исповедания инспектор семинарии, архимандрит Варсонофий; губернский медицинский инспектор; от ведомства путей сообщения подполковник И.А. Гласко; от магометанскаго духовенства Ахун Искендеров; Городской голова; секретарь комитета, редактор неофициальной части Губернских ведомостей Н.Н. Вечеслав; по должности – уездные предводители дворянства (12 чел.); по избранию – ректор Духовной академии архимандрит Иннокентий; председатель Уголовной палаты А.А. Головинский; правитель канцелярии начальника губернии И.В. Крутецкий; чиновники особых поручений при казанском губернаторе – А.Н. Войденов и С.Н. Лукин; секретарь губернского правления К.И. Лепоринский; помощник правителя канцелярии начальника губернии А.М. Хронусов; регистратор той же канцелярии И.А. Ильичев; чиновник, наблюдающий за порядком в волостях Мамадышскаго уезда по ведомству государственных имуществ, Н.М. Сигаев; делопроизводитель Палаты государственных имуществ Д.Ф. Левитский; Н.С. Адыясевич; И.К. Флеринский; Царевококшайский уездный стряпчий К.Ф. Беляев; студент Казанского университета Ю.К. Питерский; волостной писарь Моркинской волости крестьянин Н.М. Самсонов [7. С. 7–8].

Нельзя не заметить откровенно «чиновничий» состав комитета. В этом отношении Симбирский ГСК заметно отличался от Казанского. В нем была представлена целая плеяда известных в России имен. По данным на 1868 г. в него входили: губернатор; непрременные члены: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющие Симбирской казенной палатой, Симбирской удельной конторой, Симбирской контрольной палатой, губернский инженер, управляющий врачебный инспектор, директор училищ, священник П.П. Никольский, симбирский городской голова; действительные члены: председатель Симбирского общества сельского хозяйства П.П. Мещеринов, Симбирский уездный предводитель дворянства В.П. Языков, начальник ревизского отделения Симбирской казенной палаты П.И. Городищенский, штабс-капитан А.П. Кеппен, А.С. фон Ренкуль, В.А. фон Гребнер, Д.П. Ознобишин, протоиереи А.П. Успенский и А.А. Никольский, штатные смотрители ардатовских и карсунских училищ М.И. Куроптев и А.И. Солонев, член Буинской земской управы М.Д. Эбулдин, член Симбирской губернской управы П.А. Егоров, купец И.С. Шилов, мулла Абдул-Вали Гафаров, В.А. Бестужев, Н.А. Крылов, М.Д. Ребровский, князь А.И. Пантусов, М.И. Житков, Н.И. Симогулов, В.Я. Гончаров, П.М. Мачеварианов, А.Г. Жиркевич, А.Н. Бекетов, П.К. Рудольф, П.И. Аристов, В.И. Винтер, М.П. Бестужев, И.М. Метальников, С.С. Глинка, Е.Н. Кудрявцев, Д.И. Минаев; В.А. Ауновский – член и секретарь комитета [8. С. 41–42].

Столь широкое общественное представительство¹, очевидно, могло внушать некоторую надежду на взвешенное отношение к отбору документов.

¹ *Мещеринов Петр Петрович* – предводитель дворянства Симбирского уезда (1849–1852), почетный попечитель Симбирской мужской гимназии (1865–1873), член комитета Карамзинской общественной библиотеки (1846–1866); *Языков Василий Петрович* – общественный деятель, председатель Симбирского уездного училищного совета; сын П.М. Языкова (геолога, палеонтолога, этнографа, первого председателя комитета Карамзинской библиотеки); член комитета (1852–1861), председатель комитета (1861–1866), почетный член комитета Карамзинской библиотеки (1866); один из самых деятельных организаторов восстановления библиотеки после пожара; *Кеппен Алексей Петрович* – горный инженер, экономист, автор публикаций по горной промышленности (угольной и железорудной), а также по истории рельсового производства в России; сын академика

Хотя говорить о наличии специальных познаний в области архивоведения у безусловно авторитетных в своем деле деятелей, поименованных в этом списке, не приходится.

В целом привлечение должностных лиц к разбору архивов все более расширявшегося круга учреждений не могло не отражаться на их непосредственной деятельности. Поэтому дальнейших перспектив у такого подхода к решению проблемы сохранения ценных документов не было. Позднее, как известно, подобным образом была организована работа губернских ученых архивных комиссий (ГУАК). При этом ее результаты получили негативную оценку еще в до-революционный, а затем и в советский период.

С середины XIX в. законодательная инициатива по разбору архивов и уничтожению дел была в основном направлена на принятие мер организационно-методического характера. До этого лишь военное ведомство располагало правилами хранения и уничтожения архивных документов, закрепленными 29 марта 1836 г. в высочайше утвержденном «Положении о порядке производства дел в военном министерстве» [30. С. 90–94].

Попытка свести в 1857 г. в Своде законов Российской империи прописанные в законодательных актах 1848–1854 гг. нормы в «Правила о разборе и уничтожении ненужных дел, накопляющихся в губернских, уездных и городских архивах присутственных мест» [31. С. 1067–1068] еще больше обнажила остроту проблемы. Во-первых, зафиксированные в них предписания формально касались местных учреждений только трех министерств: внутренних дел, государственных имуществ и юстиции. Во-вторых, они затрагивали лишь организационную сторону: образование комиссий и их состав, порядок «испрашивания разрешения» на уничтожение дел, а в случае с ведомством юстиции – еще и материальное и кадровое обеспечение деятельности комиссий, назначение содержания задействованным чиновникам, ведение делопроизводства, в том

П.И. Кеппена; *фон Ренкуль Адам Самуилович* – уроженец Саксонии, внес большой вклад в развитие телеграфной связи в Симбирской губернии; благодаря его усилиям в 1865 г. в с. Промзино (Сурское) и в 1872 г. в г. Алатырь открыт телеграф; *фон Гребнер Вильгельм Августович* – этнограф и собиратель фольклора во Владимирской и Симбирской губерниях, автор работ о промыслах, связанных с переработкой дерева; *Ознобишин Дмитрий Петрович* – известный поэт и переводчик, общественный деятель, краевед; *Крылов Николай Александрович* – председатель Алатырской земской управы, журналист, активно сотрудничавший со многими отечественными периодическими изданиями: «Новое время», «Сын Отечества», «Исторический вестник», «Русская старина» и др.; отец кораблестроителя академика А.Н. Крылова; *Житков Михаил Иванович* – военный инженер, участник обороны Севастополя, после крестьянской реформы служил мировым посредником, председателем мировых судей; *Гончаров Василий Яковлевич* – известный краевед, один из организаторов Порецкой учительской семинарии; *Мачеварианов Петр Михайлович* – выдающийся русский кинолог и охотник, заводчик русских псовых борзых, оказавший заметное влияние на становление породы, автор известной книги «Записки псового охотника Симбирской губернии» (1876); *Рудольф Павел Карлович* – инженер-поручик, владелец кирпичного завода, симбирский помещик, председатель Симбирской уездной земской управы; автор публикаций по пчеловодству; *Бестужев Михаил Петрович* – выпускник юридического факультета Московского университета, с 1862 до 1870 г. занимал должность мирового посредника Симбирского уезда, проявил особенно деятельное участие в поземельном устройстве крестьян, в дальнейшем – вице-губернатор в Уфимской и Тамбовской губерниях; *Глинка Сергей Сергеевич* – сын русского писателя, публициста и историка С.Н. Глинки; *Кудрявцев Евгений Николаевич* – с 6 июля 1867 г. назначен советником Симбирского губернского правления, одновременно являлся директором Симбирского комитета о тюрьмах; в дальнейшем – участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., калужский вице-губернатор; *Минаев Дмитрий Иванович* – поэт, фольклорист, переводчик «Слова о полку Игореве», отец поэта-сатирика Д.Д. Минаева; *Ауновский Владимир Александрович* – педагог, этнограф, статистик, первый директор Порецкой учительской семинарии, автор значительного количества краеведческих публикаций, в том числе о Чувашском крае.

числе составление протоколов, заключений, «актов освидетельствования дел, пришедших в совершенную ветхость», представление отчетности [31. С. 1067]. Методика отбора дел и ее главный инструмент – перечни документов, подлежащих сохранению или уничтожению, в указанных правилах отсутствовали.

В течение 1861–1869 гг. этот пробел был отчасти восполнен. При этом верховная власть продолжила практику принятия законодательных актов по каждому ведомству отдельно. Так, за короткий срок увидели свет: Высочайше утвержденные правила для хранения и уничтожения решенных дел по Государственному Контролю (1860); Высочайше утвержденные правила для хранения и уничтожения решенных дел по главному управлению почт (1861); Высочайше утвержденное положение о порядке содержания, хранения и уничтожения дел в ведомстве военно-учебных заведений (1861); Высочайше утвержденные правила о решенных делах ведомства путей сообщения и публичных зданий (1861); Высочайше утвержденные правила о хранении и уничтожении решенных дел по Министерству народного просвещения (1861); именной указ, объявленный в приказе по военному ведомству «О порядке хранения и уничтожения решенных дел в полках и прочих отдельных частях войск» (1861); именной указ, объявленный Сенату управляющим Министерством государственных имуществ «О порядке хранения и уничтожения решенных дел по Министерству государственных имуществ и учреждениям его ведомства» (1862); Высочайше утвержденное положение Военного совета, объявленное Сенату военным министром «О порядке сдачи и хранения дел, оставляемых армейскими войсками при выступлении в поход» (1862); Высочайше утвержденные правила о порядке хранения и уничтожения решенных дел по Министерству финансов и учреждениям его ведомства (1864); Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Сенату министром внутренних дел «О разборе архивных дел Приказов общественного призрения» (1866); Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «Об изменении некоторых правил для хранения и уничтожения решенных дел по Государственному у Контролю» (1869) [25. С. 138–176].

В рамках данной статьи нет необходимости останавливаться на всех перечисленных законодательных актах. Ограничимся лишь теми, которые могли иметь непосредственное отношение к деятельности учреждений на территории Казанской и Симбирской губерний.

Хронологически первым из них были высочайше утвержденные 21 апреля 1861 г. «Правила для хранения и уничтожения решенных дел по Главному управлению почт» [25. С. 138–142]. Как раз накануне – с 1860 г. – на территории современной Чувашской Республики начала функционировать почтово-телеграфная служба с конторами в Цивильске, Чебоксарах и Ядрине. То есть на момент организации они были обеспечены вполне конкретными инструкциями по организации отбора и выделению к уничтожению документов, утративших практическое значение.

Следуя заложенному в аналогичном документе военного министерства принципу деления дел на три разряда (уничтожаемые «по совершенном окончании их производством»; назначенные «к хранению на столько времени, сколько потребует в них надобности»; «всегда сохраняемые»), правила почтового ведомства не только изменили последовательность разрядов, поставив на первое место «сохраняемые навсегда», но и устанавливали конкретные сроки для дел временного хранения. Так, для подчиненных Почтовому департаменту «мест»

срок хранения оконченных дел по второму разряду исчислялся двадцатью годами, а по третьему – десятью.

В приложениях к правилам отдельно по каждому разряду имелся довольно внушительный перечень «дел и бумаг», призванный облегчить работу по разбору архивов и выделению документов к уничтожению [14. С. 135–138].

Распределение дел по разрядам вменялось в обязанность «управляющим почтовыми местами». В целях недопущения скапливания дел в архивах ежегодно в течение января – февраля предусматривалось составление особых описей «всем делам и бумагам второго и третьего разряда, коим минул срок для хранения». Особого внимания заслуживает предписание 37-го пункта правил: «Управляющие почтовыми местами, предварительно уничтожения дел, тщательно пересматривают их сами или поручают этот пересмотр, под своим руководством и ответственностью, кому-либо из служащих, заведывающих письмоводством, для удостоверения, не заключается ли в предназначенных к уничтожению бумагах такой переписки, которую, по каким-либо обстоятельствам, необходимо сохранить еще некоторое время или навсегда». После этого в общих описях, напротив каждого заголовка должна была проставляться отметка о дате уничтожения дела [25. С. 141–142].

Необходимо упомянуть и о предписаниях относительно самого способа уничтожения документов. Они могли продаваться, вымениваться на чистую бумагу или сжигаться, «смотря по тому, какой из этих способов признается, по местным обстоятельствам возможным и более удобным» [25. С. 140].

Новеллой архивного законодательства стала предпринятая в Высочайше утвержденных 19 октября 1861 г. «Правилах о хранении и уничтожении решенных дел по Министерству Народного Просвещения» [25. С. 147–148] попытка решить проблему уничтожения дублетных документов. До этого данный аспект деятельности по разбору архивов оставался вне правового регулирования. Согласно правилам полномочиями по определению «в каких именно инстанциях должны быть, хранимы дела, производившиеся в разных инстанциях <...>, с уничтожением того же рода дел по прочим инстанциям» наделялся сам министр народного просвещения [25. С. 148]. Однако в дальнейшем при принятии аналогичных правил других ведомств эта тема не получила развития.

Заслуживают внимания и предписания относительно ведения кадровой документации. Так, в правилах впервые предлагалось «все служебные бумаги», имевшие отношение к службе чиновников министерства (дела с подлинными приказами «о переменах по службе», дела по личному составу с документами и полными формулярными списками), объединять в особые дела о каждом лице отдельно и вести их по месту «служения» «до выбытия из оногo», а затем передавать в архив [25. С. 148].

Важным компонентом работы по разбору архивов стало применение так называемых «рописаний» документов, подлежавших дальнейшему хранению или уничтожению.

Ставшая очевидной недостаточность для практической работы перечня разрешенных к уничтожению дел, предложенного в «Учреждении губернских правлений», вызвала необходимость принятия дополнительных мер. Так, МВД «в отвращение излишнего труда, как при составлении описей делам, подлежащим уничтожению, так равно и при рассмотрении оных в Министерстве» своим циркуляром от 9 декабря 1852 г. довело до местных подведомственных учреждений новый документ – «Росписание тех родов архивных дел, которые

не должны подлежать уничтожению по Губернским Правлениям и уездным присутственным местам ведомства Министерства В.Д.». Формально он включал 23 статьи. По факту же количество документов могло быть больше, поскольку под ряд формулировок подпадало неограниченное количество дел (см., например, № 21–23).

Этот перечень наглядно характеризует представления его разработчиков о ценности сохраняемых документов с точки зрения их значимости и для практической работы учреждений, и для статистической и научной деятельности. Он включал дела: 1) по свидетельствам о дворянстве и по составлению родословных книг; 2) о записи в купечество, мещанство и крестьянство и вообще о приписке и исключении лиц из одного состояния в другое и о выдаче свидетельств; 3) о неправомерном укреплении людей или о лицах, отыскивающих свободу, и об увольнении от крепостного состояния; 4) о записи на участок земли отставных солдат; 5) о кантонистах; 6) о приведении иностранцев к присяге на подданство; 7) о прописных по ревизии душах; 8) о лишении гражданских прав по случаю помешательства в уме; 9) о разграничении уездов, об обращении селений в города и о переименовании городов, о постройке и открытии их, составлении им планов и описаний; 10) о переменах в земляных владениях и их владельцах, а также о выдаче планов всякого рода; 11) о спорах по имениям завладении и т. п.; 12) о повальных болезнях и скотских падежах; 13) об оспопрививании; 14) со сведениями о народонаселении, торговле, промышленности, фабриках, заводах; 15) о состоянии почт, дорог, мостов, перевозов и т. п.; 16) об учреждении ярмарок; 17) о ценах на предметы продовольствия, строительные материалы и разные другие предметы и на перевозки, и о заработной плате; 18) об урожае хлебов; 19) о строительстве иноверческих церквей, каплиц¹, мечетей; 20) о происшествиях: градобитии, пожарах, разбившихся судах и т. п.; 21) дела со сведениями, относящимися до бывшего в 1812 г. ополчения и вообще до Отечественной войны; 22) о раскольниках; 23) секретные [26. С. 5–6, Прил. С. 1].

Уже 5 марта 1853 г. очередным циркуляром этот список был дополнен новым «росписанием», в котором были обозначены архивные дела городских дум и квартирных комиссий, также не подлежавшие уничтожению. По городским думам перечень включал дела: 1) о выборе должностных лиц; 2) о городских имуществах, об ежегодных сметах городских доходах и расходов, об установлении городских и земских сборов и повинностей, вообще об устройстве городского хозяйства; 3) приходо-расходные журналы, все счетные книги и денежные документы; 4) общественные приговоры контракты и вообще все документы; 5) докладные настольные входящие и исходящие реестры журналы и собрания узаконений; 6) оценочные таблицы обывательских недвижимых имуществ; 7) о народной переписи разные документы о числе купцов мещан и ремесленников; 8) о составлении городской обывательской книги; 9) об устройстве и изменении городского судебного и общественного управлений; 10) об устройстве и управлении еврейского сословия их общественном хозяйстве и государственных и общественных повинностях и податях; 11) о предоставлении льгот и преимуществ городам, сословиям и частным лицам; 12) о пожертвованиях; 13) Об уездных приходских и других разного рода училищах. Из дел квартирных комиссий подлежали сохранению: 1) очередные

¹ Католическая молельня или часовня. В отличие от часовен может иметь алтарь.

книги домам, подлежащим отправлению воинского постоа; 2) оценочные таблицы в городах; 3) приходо-расходные книги о квартирных суммах; 4) книги о входящих и исходящих бумагах журналы и собрания узаконений; 5) контракты и вообще все документы [26. Прил. С. 2].

Как видим, и здесь круг сохраняемых документов мог оказаться шире формального списка. Даже наличие неопределенности в формулировке «и вообще все документы» в какой-то степени могло пойти на пользу, позволяя предотвратить поспешность в выделении дел на уничтожение.

Как уже отмечалось выше, «Правила для хранения и уничтожения решенных дел по Главному управлению почт» от 21 апреля 1861 г. имели два приложения под литерами А и Б, последнее из которых – «Распределение дел и бумаг по подведомственным Департаменту почтовым местам» – было призвано помочь местным чиновникам ведомства.

Статьи данного перечня не имеют нумерации, поэтому предлагаемое деление нужно считать условным. Итак, по первому разряду, предлагавшему постоянное хранение документов, в него вошли: 1) дела, заключающие в себе предписания, данные к исполнению и руководству почтовых мест, Высочайшие указы, постановления и правила, таксы и «росписания»; 2) формулярные списки вышедших в отставку и умерших на службе чиновников и служителей; 3) документы чиновников и служителей, представленные при определении их на службу; 4) циркулярные предписания Департамента, общие циркуляры, приказы; 5) годовые отчеты; 6) шнуровые книги о приходе и расходе денежных сумм с принадлежащими к ним документами; 7) книги о движимом и недвижимом имуществе.

Второй разряд включал: 1) книги и документы денежной, страховой и посылочной корреспонденции, получаемой и отправляемой с почтами и эстафетами; 2) дела о важных злоупотреблениях или преступлениях, по которым производились формальные следствия; 3) переписка об определении к должностям чиновников и служителей, перемещении их из одной должности в другую и увольнении от службы; 4) формулярные списки чиновников и служителей, перешедших на службу в другие ведомства; 5) переписка о наградах, пенсиях и производстве в чины; 6) дела о постройке и исправлении казенных домов.

По третьему разряду проходили: 1) реестры об отправленной и книги на записку полученной простой корреспонденции, а равно подорожные, описи пост-пакетов, протоколы с картами об отправленной за границу и полученной оттуда корреспонденции; 2) третные ведомости ¹ о долгах и расчетные ведомости о прогонах за возку почт и эстафет; 3) дела о поставке разных материалов и вещей и о найме квартир; 4) ежемесячные ведомости о ходе почт и эстафет и третные ведомости о верховых почтах; 5) дела о засылке корреспонденции; 6) дела, производимые по требованиям казенных мест и частных лиц об отыскании разного рода корреспонденции, по справкам оказавшейся доставленной по принадлежности; 7) дела по жалобам на неисправность почтовых станций; 8) ежемесячные ведомости о наличных деньгах, выписки из приходо-расходных книг и третные ведомости об имуществе; 9) счета заграничных почтовых мест об иностранной корреспонденции, по коим уплата уже произведена; 10) книги по дежурству в почтамтах; 11) отношения, при коих присылаются в почтовые места разного рода пакеты и записки отделений городской почты, при коих доставляются в почтамты, из приемных мест, письма и книги на записку оных [14. С. 137–138].

¹ Ведомости за треть года.

Таким образом, по соотношению количества статей, перечисленных по каждому разряду перечня, не менее четверти дел оставлялось на «вечное хранение». В целом для местных почтовых учреждений это было даже избыточно, поскольку часть документов носила явно дублетный характер.

Высочайше утвержденные 19 октября 1861 г. «Правила о хранении и уничтожении решенных дел по Министерству Народного Просвещения» также придерживались уже сложившейся практики деления на три разряда [25. С. 147–148]. Однако в этом случае к первому разряду были отнесены «все поступающие, для справки и сведения, срочные ведомости, кои, по получении новых ведомостей, окажутся уже излишними, также все вообще дела, не заключающие в себе никакой важности в служебном, административном и историческом отношениях, а равно и такие, в которых не может встретиться надобности». Они подлежали уничтожению «немедленно по сдаче их в архив» [25. С. 147, 148].

Дела, проходившие по второму разряду, включали документы «по временной отчетности, командировкам, претензиям, взысканиям, назначению пенсий и пособий, внутреннему управлению, хозяйственной части и движению сумм, за исключением дел, отнесенных к третьему разряду; журналы входящих и исходящих бумаг по Отделениям Департамента Народного Просвещения». Срок их хранения определялся «начальством, которое заведывает ими» [25. С. 147, 148].

Перечень дел третьего разряда, подлежавших сохранению «навсегда», отличался большей конкретикой и был разбит на одиннадцать групп. В него вошли дела, «заклучавшие в себе: 1) объявленные Высочайшие повеления, Высочайше утвержденные положения и всеподданнейшие доклады; 2) постановления высших учреждений или разрешения начальства, могущие служить руководством на будущее время; 3) подлинные журналы или протоколы Главного Правления Училищ и других коллегиальных учреждений, состоящих в ведомстве Министерства Народного Просвещения; 4) дела об учреждении и закрытии казенных и частных учебных заведений; 5) дела о приобретении и продаже недвижимых имуществ; 6) дела с подлинными приказами о переменах по службе, а также дела по личному составу служивших по Министерству Народного Просвещения, с документами и полными формулярными списками; 7) дела о производстве в чины за выслугу лет; 8) годовые отчеты о суммах, а равно о состоянии и действии учебных заведений; 9) ежегодно составляемые сметы расходов по Министерству Народного Просвещения, а также приходорасходные книги и счета, относящиеся к денежным и материальным капиталам Министерства и подведомственных ему мест; 10) входящие и исходящие журналы, и 11) все дела, которые по содержанию своему признано будет полезным хранить в Архиве для могущих встретиться справок» [25. С. 147–148].

И здесь мы наблюдаем весьма значительное количество дел, оставляемых на «вечное» хранение.

В финансовом ведомстве, судя по перечню, количество сохраняемых дел могло достигать примерно половины от общей массы документов. Так, согласно «Распределению предметов дел Министерства финансов и его ведомства на разряды» 1864 года к первому разряду – «дела и бумаги, подлежащие всегдашнему хранению» – были отнесены: 1) высочайшие указы и повеления, высочайше утвержденные представления и удостоенные монаршего рассмотрения годовые отчеты и всеподданнейшие доклады; 2) штаты; 3) финансовые сметы; 4) государственные росписи; 5) общие соображения о доходах и расходах; 6) дела по государственным займам; 7) годовые отчеты; 8) бухгалтерские

и кассовые книги по операциям кредитных установлений и лицевые счета; 9) ревизские сказки; 10) журналы; 11) протоколы; 12) дела и бумаги: а) содержащие в себе переписку и соображения, послужившие поводом или основанием к изданию нового закона или общего по министерству распоряжения, а также разрешение какого-либо «важного обстоятельства», могущее служить руководством на будущее время; б) заключающие в себе документы, утвержденные чертежи, планы, межевые книги и вообще сведения, имеющие значение в историческом, статистическом, административном, техническом и горно-заводском отношениях; в) формулярные и кондуитные списки лиц, умерших на службе по министерству и его ведомству, и копии или отпуски с аттестатов, выданных чиновникам при увольнении в отставку; г) алфавиты; журналы бумаг входящих и исходящих; своды законов, уставы, учреждения и указы, действие которых отменено новым их изданием; общие и частные описи дел, сданных в архив и уничтоженным [25. С. 164–165].

В число документов, «назначенных» к временному хранению, т.е. ко второму разряду, попали: 1) дела о командировках, исследованиях и по разным хозяйственным операциям и распоряжениям; 2) дела, заключающие в себе сведения или донесения, извлеченные из книг или других дел, находящихся в самом месте производства или в местах, подведомственных ему; 3) дела кредитных установлений по вкладам и ссудам, по учету векселей, взысканиям с должников, обмену кредитных билетов; 4) дела по личному составу чиновников, если они не заключали в себе каких-либо документов; 5) формулярные и кондуитные списки лиц, служивших по министерству и его ведомству и выбывших в другие управления или в отставку, 6) срочные денежные ведомости; 7) шнуровые книги; 8) денежные счета; 9) «вообще ревизионные дела», по которым были получены от Государственного контроля квитанции и уведомления об утверждении всех оборотов не только за тот год, за который предполагается уничтожить шнуровые книги, денежные счета и ревизионные дела, но и за все предшествующее время [25. С. 165].

К делам, «которые могут быть уничтожаемы немедленно по окончании их», проходивших по третьему разряду, относилась вся канцелярская переписка, не заключавшая в себе никакой важности, и которая не могла по существу своему быть нужной на будущее время ни для справок, ни для руководства [25. С. 165].

Данный перечень позиционировался как «примерный». Более конкретно, какие именно дела должны были причисляться к каждому разряду по отдельно взятым подразделениям финансового ведомства, определялось «свойством производящейся в той части переписки и родом существующих в Министерстве инстанций». Эти вопросы находились в компетенции руководителей соответствующих подразделений. Причем и в этом случае речь шла о «примерных росписаниях делам». Список лиц, наделенных такими полномочиями, был весьма внушительным. Он включал: в министерстве – директоров департаментов и канцелярий; в Государственном Банке, сохранных и ссудных казнах, комиссии погашения долгов и в Экспедиции заготовления государственных бумаг – управляющих этим структурами. В учреждениях, подведомственных министерству, эти «росписания» после просмотра их начальниками учреждений и управляющими банковскими конторами, представлялись на утверждение в соответствующие департаменты и канцелярии министерства и в Государственный Банк [25. С. 161].

Всего после 1845 г. в России на законодательном уровне было утверждено 12 перечней-«рописаний» дел, подлежащих дальнейшему хранению или уничтожению, для 9 ведомств: Государственного контроля (1860, 1869) [10. С. 84–86; 11, С. 502; 22. С. 313–315], Главного управления почт (1861, 1870) [14. С. 671–673; 23. С. 508–509], военно-учебных заведений (1861) [13. С. 793–795], путей сообщения и публичных зданий (1861) [15. С. 337–340], народного просвещения (1861) [16. С. 364–366], военного (1861) [17. С. 435–436; Прил. I. Штаты и таблицы. С. 302–309], государственных имуществ (1862) [18. С. 190–193; 19. Приложение. С. 52–53], финансов (1864, 1866) [20. С. 509; 21. С. 680–681], юстиции (1885) [24. С. 103; Прил. I. Штаты и таблицы. С. 60].

Рассмотренные перечни были в основном ориентированы на регулирование отбора дел текущего делопроизводства. Лишь министерства народного просвещения и финансов обозначили свою позицию по вопросу о судьбе документов, ранее поступивших на хранение в архивы, распространив на них действие вновь утвержденных «рописаний» [16. С. 364–366; 20. С. 509].

С началом реформ 1860-х – 1870-х гг. остро встал вопрос о разборе архивов ликвидируемых учреждений. Определенные усилия предпринимались и в этом направлении. Так, необходимость разборки архивов Приказов общественного призрения, обусловленная их ликвидацией в связи с земской реформой 1864 г., побудила Министерство финансов даже обратиться в МВД за помощью.

В этой ситуации важно было определиться с составом уничтожаемых и сохраняемых документов. Изданный в МВД циркуляр от 23 июня 1866 г. № 127 «О разборке архивных дел Приказов общественного призрения» содержал конкретные указания относительно документов, подлежащих сохранению. По благотворительной части к таковым были отнесены: «а) дела, могущие представлять какой-нибудь научный интерес, напр[имер], касающиеся истории учреждений, находившихся в заведывании приказов, или заключающая в себе какие-нибудь данные, важные для статистики общественного призрения; б) дела и документы о служб лиц, по ведомству приказов; в) дела о штатах приказов и подведомственных им благотворительных заведений; г) дела о приобретении приказами и их заведениями, посредством покупки, жертвований и другими способами, разных недвижимых имуществ; д) дела об оброчных статьях приказов и их заведений; е) кассовые и разрядные книги капиталов, передаваемых в ведение земства; и ж) журнальные постановления приказов, переплетавшиеся, согласно установленному порядку, по истечении каждого месяца, в одну общую книгу». Не подлежали дальнейшему хранению дела, «касающиеся собственно призрения, т.е. содержания заведений, надзора за оными, снабжения их разными потребностями и взыскания различных недоимок, а также все дела по доставлению в различные места срочных ведомостей и сведений о призревавшихся в благотворительных заведениях» [27. С. 338–341].

По кредитной части предусматривалось сохранить: «а) все дела по вкладам, оконченные с 1 января 1856 по 1 января 1860 года; б) те из дел по вкладам, по которым производились публикации; в) дела, при которых не находится выплаченных вкладных билетов с знаками уничтожения, и г) все без исключения, со времени учреждения приказов, кассовые и разрядные книги по капиталам приказов, принадлежащим к кредитным их операциям». Все остальные дела по вкладам и ссудам, оконченные производством до 1 января 1860 г., разрешалось уничтожить [27. С. 340].

Разбор дел по благотворительной части возлагался на сами приказы (там, где они еще не были упразднены), а также на местных чиновников, по назначению начальников губерний. Ответственность за разбор дел по кредитной части несли те учреждения, которым передавались кредитные функции приказов. Списки выделенных к уничтожению дел подлежали передаче на предварительное рассмотрение статистических комитетов, а также губернских земских управ, но только дел «по части общественного призрения» [27. С. 338–339].

Таким образом, безоговорочно упрекать чиновников ведомств в безразличном отношении к судьбе архивных документов было бы несправедливо. Имеется немало предписаний относительно осторожного подхода к разбору дел. Так, Государственный Совет, рассмотрев летом 1850 г. представление министра юстиции по проекту положения о приведении в порядок архивов судебных мест и канцелярий прокуроров и стряпчих, подчеркивал, «что к уничтожению дел судебных мест должно приступать с большою осторожностью» [25. С. 117].

Один из пунктов упомянутого циркуляра МВД от 9 декабря 1852 г. специально делал упор на то, «что при уничтожении архивных дел, надлежит вообще соблюдать крайнюю осмотрительность, дабы не подвергнуть уничтожению такие дела, в которых впоследствии может встретиться надобность, если не для текущих дел, то при составлении исторических, статистических и других ученых сведений» [26. С. 5]. А в обращении к губернатору в циркуляре от 5 марта 1853 г. подчеркивалось: «<...> Нужным считаю просить В[аше] П[ревосходительств]во сделать зависящее распоряжение чтобы изложенные в сем циркуляре правила соблюдаемы были во всей точности и комиссиями, учреждаемыми для разбора старых архивных дел городских дум и Квартирных комиссий» [26. Прил. С. 2]. Еще одним средством предупреждения вынесения ошибочных решений в отношении архивных документов выступало требование «принять за правило архивные дела уничтожать не прежде истечения 10-ти лет со дня решения их» [26. С. 5].

Подобную картину можно наблюдать и по другим ведомствам. Например, параграф 11 «Правил» министерства финансов гласил: «Назначение дел к уничтожению делается с крайнею осмотрительностию, и как это возлагается на личную ответственность подлежащих начальников <...>, то от них зависит, предварительно разрешения на уничтожение дел, подвергать оные поверочному просмотру чрез подведомственных им особых чиновников» [25. С. 163].

Таким образом, в пределах своей компетенции и на уровне бытовавшего в то время в чиновничьей среде понимания ценности документов, составители законодательных и ведомственных нормативно-правовых актов стремились сформировать определенные юридические механизмы защиты архивов от необоснованного уничтожения. Руководствоваться в этом вопросе они могли лишь накопленным опытом и собственными представлениями о целесообразности сохранения документов. В этой связи необходимо отметить, что в середине XIX в., когда под влиянием трудов С.М. Соловьева в России еще только был запущен процесс обособления истории в отдельную научную дисциплину, а архивная мысль в европейских странах лишь начинала выкристаллизовываться в особую научную область знаний – архивоведение – со своей теорией и методикой, ожидать большего едва ли возможно. Это был период, когда, по весьма точному наблюдению Т.И. Хорхординой, «в противоречиях между различными подходами к архивному делу и хаосом в приемах и методах обработки архивных материалов заканчивалась эпоха господства эмпиризма

в архивном деле» и «стихийно зрела настоятельная потребность в теоретическом осмыслении основ архивной службы» [34. С. 144].

Выводы. В целом законодательство по разбору архивов характеризуется неравнозначностью содержания и несогласованностью принимавшихся актов. Так, в ведомственных правилах не было единства в определении последовательности разрядов для группировки дел; имели место разные подходы в установлении сроков хранения дел, утративших практическую ценность, а в ряде случаев они и вовсе не регламентировались. Необходимо отметить расплывчатость некоторых формулировок, которая оставляла чиновникам различных уровней управления поле для «инициативы». При этом она могла проявиться и в намерении сохранить документы, и в стремлении избавиться от возможно большего их количества, особенно после того, как продажа дел стала источником средств для нужд учреждений и поощрения служащих. Еще более усугубляла ситуацию высокая роль личностного фактора при принятии решений о распределении документов по разрядам и установлении сроков хранения дел, закрепленная на законодательном уровне, а также отсутствие указаний о том, как и кем должны контролироваться эти действия чиновников, и должны ли они вообще отслеживаться вышестоящими инстанциями.

Ведомственный подход в издании актов по вопросам разбора архивов и выделения дел на уничтожение, сильная зависимость от принятия решений отдельными должностными лицами, наделенными законодательством соответствующими полномочиями, и, как следствие, непрозрачное и никем не контролируемое вынесение заключений о ценности документов не могли не вызывать беспокойство научного сообщества. Об этом предупреждал еще Н.В. Калачов на Первом Археологическом съезде в 1869 г.: «<...> Что может быть уничтожено – вот вопрос, который чрезвычайно трудно разрешить и чего никак не следует отдавать на произвол чиновников, хотя бы и более опытных» [4. С. 211].

Но и через 30 лет эта проблема не потеряла своей актуальности, о чем свидетельствует постановление XI Археологического Съезда от 19 августа 1899 г.: «По обсуждении предложений, переданных из общих собраний и отделений съезда, постановлено: <...> 6) Ходатайствовать о немедленном издании циркулярного распоряжения по всем ведомствам о прекращении уничтожения каких бы то ни было бумаг, относящихся к делопроизводствам государственных и общественных учреждений, пока не будет учреждено центральное архивное управление в России и не будут выработаны и изданы общие правила уничтожения ненужных актов делопроизводства означенных учреждений» [32. С. 164].

В итоге, не раз поднимавшийся представителями научной общественности вопрос о разработке единых правил так и остался открытым. Вместе с тем, выступая с осуждением чиновничьего произвола в ходе отбора и уничтожения дел, они не были готовы предложить конструктивные идеи, позволявшие опереться на научные подходы при проведении этой работы. На это, в частности, указывал князь Л.Л. Голицын в своем докладе «Архивы и порядок их разбора» на общем собрании Саратовской ГУАК, состоявшемся 15 февраля 1890 г. [33. С. XII]. Рассуждая о том, «какой метод более применим к разбору архивных документов», он отмечал, что «научно-историческая литература не давала на него прямого ответа» [2. С. 2]. То есть общие слова о важности архивных документов для «статистики и науки» не могли заменить четко сформулированных критериев для определения их ценности.

К сожалению, работа в данном направлении, обозначенная Н.В. Калачовым, не получила должного развития после его смерти. Имели место лишь локальные попытки решения этой проблемы. Так, например, перед разбором архива Симбирского окружного суда в начале 1897 г. члены Симбирской ГУАК М.Ф. Суперанский и В.Э. Красовский предложили свои методики отбора документов на хранение. При этом они опирались на археографические издания, ориентируясь на состав опубликованных в них источников. В итоге решением общего собрания комиссии за основу была принята методика, предложенная М.Ф. Суперанским [35. Л. 15].

В советскую эпоху понадобилось не одно десятилетие, прежде чем в отечественном архивоведении была разработана и сформулирована теория экспертизы ценности документов. Но и в настоящее время признается ценной и поступает на государственное хранение лишь 5–10% создаваемой в стране документации, в то время как в дореволюционной России этот показатель составлял 10–12% [1. С. 206].

Литература

1. Бурова Е.М. Архивоведение (теория и методика). М.: ТЕРМИКА, 2016. 688 с.
2. Голицын Л. Архивы и порядок их разбора. Читано в общем собрании комиссии 15 февраля 1890 года // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1890. Т. 3, вып. 1. С. 1–11.
3. Ивановский В.В. Русское государственное право. Т. 1. Верховная власть и ее органы. Вып. 3. Местные установления, история их и современная организация губернских установлений. Казань: Типо-лит. Императорского ун-та, 1896. 193 с.
4. Калачов Н.В. Архивы // Труды Первого Археологического съезда в Москве. 1869. М.: Синодальная типография, 1871. С. 207–218.
5. Маяковский И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. Ч. 1. История архивного дела в СССР до Октябрьской социалистической революции: (опыт систематического руководства). М.: Историко-архивный институт, 1941. 344 с.
6. Министерство внутренних дел: исторический очерк: [1802–1902]. / С.А. Андрианов. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1901. 335 с.
7. Памятная книжка Казанской губернии на 1866 и 1867 год. Отд. I. Адрес-календарь служащих в губернии лиц. Казань: Казанская губернская типография, 1866. 227 с.
8. Памятная книжка Симбирской губернии на 1868 год. Симбирск: Тип. Симбирского губернского правления, 1868. 355 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XX. Отд. 1. № 18580. СПб., 1846. С. 16–59.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXXV. Отд.2. № 36118. СПб., 1862. С. 84–86.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXXV. Отд.3. Приложение. № 36118. СПб., 1862. С. 502.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXXV. Отд. 2. № 36453. СПб., 1862. С. 504–511.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXXVI. Отд.1. № 37053. СПб., 1863. С. 793–795.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXXVI. Отд.2 Приложение. Штаты и таблицы. № 36904. СПб., 1863. С. 134–138.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXXVI. Отд.2. № 37462. СПб., 1863. С. 337–340.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXXVI. Отд.2. № 37503. СПб., 1863. С. 364–366.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXXVI. Отд.2. № 37593; Приложение. I. Штаты и таблицы. СПб., 1863. С. 435–436.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXXVII. Отд.1. № 38052. СПб., 1865. С. 190–193.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXXVII. Отд.3. Приложение. № 38052. СПб., 1865. С. 52.

20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXXIX. Отд. 1. № 40973. СПб., 1867. С. 509–512.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XLI. Отд. 1. № 43384. СПб., 1868. С. 680–681.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XLIV. Отд. 1 № 46960. СПб., 1873. С. 313–315.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XLV. Отд. 2. № 48936. СПб., 1874. С. 508–509.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. V. № 2810; Приложения. I. Штаты и табели. СПб., 1887. С. 60–62.
25. Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Петроград: Тип. Главного управления уделов, 1916. Т. 1. 710 с.
26. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел с учреждения Министерства по 1 октября 1853 г.. Т. 1, ч. 1. Распоряжения, относящиеся до благоустройства присутственных мест и обязанностей должностных лиц ведомства Министерства внутренних дел. СПб., 1854. 655 с.
27. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1865 и 1866 годы / собрал и издал с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовский. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1873. 598 с.
28. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1867 и 1868 годы / собрал и издал с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовский. СПб., 1874. 670 с.
29. Сборник циркуляров и распоряжений Министерства внутренних дел, относящихся до г.г. губернаторов, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярий г.г. губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений: с 1858 по 1894 г. / сост. советник Моск. губ. правл. кн. В.П. Урусов. Неофиц. изд. М.: Губернская тип., 1894. 482 с.
30. Свод военных постановлений: Ч. 1, кн. 1. Образование военного министерства и особые установлений. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1838. 424 с.
31. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Первого составленный: издание 1857 года. Т. 2, часть 1. Общее губернское учреждение. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1857.
32. Труды Одиннадцатого Археологического съезда в Киеве: 1899. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1902. Т. 2. 177 с.
33. Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов: Тип. Губернского земства, 1890. Т. 3, вып. 1. 300 с.
34. Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2003. 525 с.
35. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 732 «Симбирская губернская ученая архивная комиссия». Оп. 1. Д. 30.

ТКАЧЕНКО ВЛАДИМИР ГЛЕБОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vlagletka@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4111-404X>).

Vladimir G. TKACHENKO

**LEGAL REGULATION OF THE SELECTION
AND DESTRUCTION OF ARCHIVAL DOCUMENTS
IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY:
REGIONAL ASPECTS**

***Key words:** archive, archival legislation, governorate statistical committees, governorate scientific archival commissions, commissions for the analysis of solved cases, rules on the storage and destruction of solved cases, analysis of archives, destruction of archival documents.*

***The purpose of the study** is to analyze the legislative regulation of the processes of selecting and destructing archival documents, which since the second half of the XIX century influenced the formation of complexes of archival documents in local government bodies and determined their information potential.*

***Methods and materials.** The published legislative acts of the Russian Empire and departmental legal acts of the ministries of archival affairs were used as the source base of the study.*

The research is based on the basic principles of historical cognition: historicism, consistency, objectivity. Taking into account the homogeneity of the text arrays of sources involved, the content analysis of legislative and regulatory legal acts was used as the main method, which made it possible to trace the main trends, to identify some patterns and assess the processes underlying management decisions in the field of selecting for archival storage and destruction of documents that lost their practical significance.

The novelty of the study lies in the fact that such an analysis has not been carried out yet. As a rule, most authors limited themselves to mentioning a number of legislative norms and stating the fact about a significant number of archival documents destroyed during the period under review. The scientific and practical significance of the proposed publication corresponds to the needs of modern understanding the historical experience of the national archive-keeping.

Study results. *In the Russian legislation on archives during the XVIII – first third of the XIX century there were no prescriptions concerning the procedures for selecting for storage and destruction of cases. By the middle of the XIX century state institutions of the Russian Empire faced a very serious problem of a shortage in premises for archives and the need to solve the issues about the fate of archival documents accumulated in them. The situation was further aggravated by the reforms of the 1860s – 1870s, as a result of which it became necessary to decide the future fate of documents of the liquidated institutions as well. Since the beginning of the 1860s, the legislative initiative on the analysis of archives and destroying files was mainly aimed at taking organizational and methodological measures. Only during 1861–1869, 11 legislative acts regulating the organization of storage and destruction of resolved cases in the main departments of the Russian Empire were published. It was during this period that special "timetables" began to be actively used – they were the lists of documents indicating the terms of their storage. In total, after 1845, 12 such lists of cases for 9 departments were approved at the legislative level in Russia. However, at this, the supreme power in its legislative activity relied on the practice of adopting legislative acts for each department separately, which led to inconsistency in understanding the value of the same categories of documents and, as a result, destruction of really valuable archival materials and excessive storage of obvious waste paper. It should be noted that the drafters of legislative and departmental normative legal acts, attempting to form certain legal mechanisms to protect archives from unjustified destruction, acted within their competence and at the level of understanding the value of documents that existed in the official environment at that time. They could only be guided in this matter by their accumulated experience and their own ideas about the expediency of preserving documents. It would be unfair to implicitly reproach the officials of the departments for their indifference to the fate of archival documents. In the legislation of the period under review, there are many prescriptions regarding a cautious approach to the examination of cases. As one of the measures to prevent the destruction of cases of scientific interest, involvement of provincial statistical committees to participate in the analysis of archives was authorized.*

Conclusions. *In general, the Russian legislation on the analysis of archives in the period under review is characterized by ambiguity of the content and inconsistency of the acts adopted. Thus, there was no unity in the departmental rules in determining the sequence of categories for grouping cases; there were different approaches in setting the archival life of cases that had lost their practical value, and in some cases they were not regulated at all. Vagueness of some formulations left officials at various levels of government with a field for "initiative". A high role of the personal factor in making decisions on distributing documents by category and establishing archival life of cases, fixed at the legislative level, as well as lack of instructions on how and by whom these actions of officials should be controlled and whether they should be monitored by higher authorities at all, further aggravated the situation.*

As a result, the departmental approach in the issuance of acts on the analysis of archives and the allocation of cases for destruction, strong dependence on decision-making by individual officials endowed with relevant powers by the law, and, as a result, opaque and uncontrolled making conclusions about the value of documents could not but cause concern to the scientific community, whose representatives repeatedly raised the issue on developing uniform rules for all departments. At the same time, while condemning official arbitrariness during selection and destruction of cases, they were not ready to offer constructive ideas enabling them to rely on scientific approaches in carrying out this work, since the theoretical basis of archival science was just beginning to be formed at this period.

References

1. Burova E.M. *Arkhivovedenie (teoriya i metodika)* [Archival Science (theory and methodology)]. Moscow: TERMIKA Publ, 2016, 688 p.
2. Golitsyn L. *Arkhivny i poryadok ikh razbora. Chitano v obshchem sobranii komissii 15 fevralya 1890 goda* [Archives and the order of their analysis. Read at the general meeting of the Commission on

February 15, 1890]. In: *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Saratov Scientific Archival Commission]. Saratov, 1890, vol. 3, iss. 1, pp. 1–11.

3. Ivanovskii V.V. *Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. 1. Verkhovnaya vlast' i ee organy. Vyp. 3. Mestnye ustanovleniya, istoriya ikh i sovremennaya organizatsiya gubernskikh ustanovlenii* [Russian State Law. Vol. 1: The Supreme power and its organs. Issue 3: Local institutions, their history and the modern organization of provincial institutions]. Kazan, 1896, 193 p.

4. Kalachov, N. V. *Arkhivy* [Archives]. In: *Trudy Pervogo Arkheologicheskogo s'ezda v Moskve. 1869* [Proceedings of the First Archaeological Congress in Moscow. 1869]. Moscow, 1871, pp. 207–218.

5. Mayakovskii I. L. *Ocherki po istorii arkhivnogo dela v SSSR. Ch. 1. Istoriya arkhivnogo dela v SSSR do Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii: (opyt sistematicheskogo rukovodstva)* [Essays on the history of archival affairs in the USSR. Part 1: The history of archival affairs in the USSR before the October Socialist Revolution: (experience of systematic leadership)]. Moscow, 1941, 344 p.

6. Andrianov S.A. *Ministerstvo vnutrennikh del: istoricheskii ocherk: [1802–1902]* [Ministry of Internal Affairs: Historical sketch: [1802–1902]]. St. Petersburg, 1901, 335 p.

7. *Pamyatnaya knizhka Kazanskoi gubernii na 1866 i 1867 god. Chapter I. Adres-kalendar' sluzhashchikh v gubernii lits* [Commemorative book of the Kazan province for 1866 and 1867. Ed. I. Address-calendar of persons serving in the province]. Kazan, 1866, 227 p.

8. *Pamyatnaya knizhka Simbirskoi gubernii na 1868 god* [Commemorative book of Simbirsk province for 1868]. Simbirsk, 1868, 355 p.

9. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e. T. XX. № 18580* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Vol. 20, no. 18580]. St. Petersburg, 1846, pp. 16–59.

10. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e.* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Vol. 35. Chapter 2. № 36118]. St. Petersburg, 1862, pp. 84–86.

11. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e.* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Vol. 35. Chapter 3. Applications. № 36118]. St. Petersburg, 1862, p. 502.

12. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e.* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Vol. 35. Chapter 2. № 36453]. St. Petersburg, 1862, pp. 504–511.

13. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e.* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Vol. XXXVI. Chapter 1. № 37053]. St. Petersburg, 1863, pp. 793–795.

14. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e.* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Vol. XXXVI. Chapter 2 Applications. Staff and timesheets. № 36904]. St. Petersburg, 1863, pp. 134–138.

15. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e.* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Vol. XXXVI. Chapter 2. № 37462]. St. Petersburg, 1863, pp. 337–340.

16. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e.* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Vol. XXXVI. Chapter 2. № 37503]. St. Petersburg, 1863, pp. 364–366.

17. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e.* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Vol. XXXVI. Chapter 2. № 37593; Applications. I. Staff and timesheets]. St. Petersburg, 1863, pp. 435–436.

18. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e.* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Vol. XXXVII. Chapter 1. № 38052]. St. Petersburg, 1865, pp. 190–193.

19. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e.* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Vol. XXXVII. Chapter 3. Applications. № 38052]. St. Petersburg, 1865, p. 52.

20. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e.* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Vol. XXXIX. Chapter 1. № 40973]. St. Petersburg, 1867, pp. 509–512.

21. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e.* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Vol. XLI. Chapter 1. № 43384]. St. Petersburg, 1868, pp. 680–681.

22. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e.* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Vol. XLIV. Chapter 1 № 46960]. St. Petersburg, 1873, pp. 313–315.

23. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e.* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2nd. Vol. XLV. Chapter 2. № 48936]. St. Petersburg, 1874, pp. 508–509.

24. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3-e.* [The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 3rd. Vol. V. № 2810; Applications. I. Staff and timesheets]. St. Petersburg, 1887, pp. 60–62.

25. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya do arkhivnoi chasti v Rossii* [Collection of materials related to the archival part in Russia]. Petrograd, 1916, vol. 1, 710 p.

26. *Sbornik tsirkulyarov i instruktsii Ministerstva vnutrennikh del s uchrezhdeniya Ministerstva po 1 oktyabrya 1853 g. T. 1, ch. 1. Rasporyazheniya, otnosyashchiesya do blagoustroistva prisut-stvennykh mest i obyazannosti dolzhnostnykh lits vedomstva Ministerstva vnutrennikh del* [Collection of circulars and instructions of the Ministry of Internal Affairs from the establishment of the Ministry to October 1, 1853. Vol. 1, part 1: Orders relating to the improvement of public places and duties of officials of the department of the Ministry of Internal Affairs]. St. Petersburg, 1854, 655 p.

27. Chudovskii D., comp. *Sbornik tsirkulyarov i instruktsii Ministerstva vnutrennikh del za 1865 i 1866 gody* [Collection of circulars and instructions of the Ministry of Internal Affairs for 1865 and 1866]. St. Petersburg, 1873, 598 p.

28. Chudovskii D., comp. *Sbornik tsirkulyarov i instruktsii Ministerstva vnutrennikh del za 1867 i 1868 gody* [Collection of circulars and instructions of the Ministry of Internal Affairs for 1867 and 1868]. St. Petersburg, 1874, 670 p.

29. Urusov V.P., comp. *Sbornik tsirkulyarov i rasporyazhenii Ministerstva vnutrennikh del, otnoyashchikhsya do g.g. gubernatorov, vitse-gubernatorov, sovetnikov gubernskikh pravlenii, kantselyarii g.g. gubernatorov, gubernskikh tipografii, stroitel'nykh i vrachebnykh otdelenii: S 1858 po 1894 g.* [Collection of circulars and orders of the Ministry of Internal Affairs relating to the G.G. governors, vice-governors, advisers of provincial boards, offices of G.G. governors, provincial printing houses, construction and medical departments: From 1858 to 1894.]. Moscow, 1894, 482 p.

30. *Svod voennykh postanovlenii. Ch. 1, kn. 1. Obrazovanie voennogo ministerstva i osobykh ustanovlenii* [Code of Military Regulations. Part 1, Book 1: Formation of the Ministry of War and special regulations]. St. Petersburg, 1838, 424 p.

31. *Svod zakonov Rossiiskoi Imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyy: izdanie 1857 goda. T. 2, chast' 1. Obshchee gubernskoe uchrezhdenie* [The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of the Sovereign Emperor Nicholas I: edition of 1857. Vol. 2, part 1: General provincial institution]. St. Petersburg, 1857.

32. *Trudy Odinnadsatogo Arkheologicheskogo s'ezda v Kieve: 1899* [Proceedings of the Eleventh Archaeological Congress in Kiev: 1899]. Moscow, 1902, vol. 2, 177 p.

33. *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Saratov Scientific Archival Commission]. Saratov, 1890, vol. 3, iss. 1, 300 p.

34. Khorkhordina, T. I. *Rossiiskaya nauka ob arkhivakh: Istoriya. Teoriya. Lyudi* [Russian Science of Archives: History. Theory. People]. Moscow, 2003, 525 p.

35. *Gosudarstvennyi arkhiv Ulyanovskoi oblasti. Fond 732 «Simbirskaya gubernskaya uchenaya arkhivnaya komissiya». Opis' 1. Document. 30* [The State Archive of the Ulyanovsk region. Archives 732 "Simbirsk provincial scientific Archival Commission". Anagraph 1. Document 30].

VLADIMIR G. TKACHENKO – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Documentation, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (vlagletka@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4111-404X>).

Формат цитирования: *Ткаченко В.Г.* Правовое регулирование вопросов отбора и уничтожения архивных документов в Российской империи во второй половине XIX века: региональные аспекты // Исторический поиск / Historical Search. – 2023. – Т. 4, № 4. – С. 126–151. DOI: 10.47026/2712-9454-2023-4-4-126-151.